

Терпение и бунт как ключевые категории Петербургского текста русской культуры

Шурупова Ольга Сергеевна

Студентка Липецкого государственного педагогического университета, Липецк, Россия

Современные лингвисты говорят о взаимодействии культуры и текста, являющегося ее единицей и представляющего собой сплетение кодов культуры. Лишь в пределах культуры текст приобретает окончательную определенность и, подвергаясь интерпретации, становится способом выражения глубинных смыслов. Особенно важную роль в рамках культуры играют системы текстов, объединенных содержательно и имеющих единую идейную установку. По мнению Ю.М. Лотмана, это объясняется «существованием в художественном сознании авторов определенного устойчивого текста» [Лотман: 426]. Устойчивые схемы, обнаруживающие связь с мифологией, проявляются прежде всего в художественных произведениях. Таковы единства текстов, складывающиеся вокруг топонимов высокой культурной значимости (Петербург, Москва, Париж) и представляющие собой системы, компоненты которых участвуют в создании целостного художественного пространства.

Особый интерес вызывает «Петербургский текст» русской культуры, в основе которого лежит образ одного из самых таинственных городов России, породившего свои легенды и оказавшего влияние на национальную культуру. Трудность его исследования связана со сложностью мифотектонического пространства Петербурга: он был задуман как идеальный город, но воспринимался в народе как творение Антихриста. Поэтому отношение русского человека к Петербургу всегда было двойственным. С. Волков отмечает: «...чудо почти мгновенного возникновения столицы огромной империи на болотистой и негостеприимной почве было столь поразительно, цена этого чуда в человеческих жизнях столь велика, что Петербург породил и искренние восхваления, и не менее искренние проклятия» [Волков: 15]. В основе сверхтекста лежит миф проклятого города, где человек обречен на духовные страдания; одни герои терпеливо переносят их, другие пытаются преодолеть.

Анализ концептосферы «Петербургского текста» позволит глубже постичь его мифотектонику. В основе текстов, созданных в разные эпохи, лежат единые ментальные образования, которые приобретают в каждом из них свои оттенки смысла и складываются в общую картину, ставшую ценностью отечественной культуры. Хотелось бы проанализировать концептосферу повести М.М. Зощенко «Коза», в которой развиваются темы, впервые поднятые в пушкинском «Медном Всаднике» и гоголевской «Шинели».

Существуют ярко выраженные архетипы Петербургского текста, например, тип бедного чиновника, который мучительно одинок, обречен на утрату самого дорогого, а нередко – на безумие и гибель. Таковы Евгений, герой поэмы А.С. Пушкина «Медный Всадник», у которого наводнение отнимает невесту, и гоголевский Акакий Акакиевич, лишившийся долгожданной шинели. Тип страдающего петербургского чиновника воплощает и Забежкин, персонаж повести М.М. Зощенко «Коза». На первый взгляд здесь, как и в других произведениях писателя, высмеиваются пошлость, пустота человека, главная цель которого – жениться на хозяйке козы и который с ужасом узнает, что коза принадлежит не ей. Однако повесть Зощенко оказывается по-настоящему трагичной. Проведенный анализ показал, что в основе повести, как и других составляющих «Петербургского текста», лежат концепты *терпение* и *бунт*. Воплощением терпения как «способности терпеть, стойко и безропотно переносить, сносить что-либо» [Словарь IV: 359] является вся жизнь Забежкина, который, «если сделать смешное сравнение, то будет никак не больше уклеи или даже колюшки крошечной» [Зощенко: 280]. Его мечты о счастье становятся бунтом – «стихийным восстанием, мятежом» [Словарь I: 125] против петербургской действительности. «Да ведь ежели коза, так и жить нетрудно. Пускай Иван Нажмудинович завтра скажет: «Вот,

дескать, уволен ты. Удивится, поразится до чего, ежели после слов таких в ножки не упаду, просить не буду» [Зощенко: 282]. Глядя на козу, Забежкин осознает, что он человек: «Коза не может ощущать такого счастья. Что ж коза? У ней и запросов никаких нету. А человек все-таки запросы имеет» [Там же: 294]. Если даже коза может «протест человеку объявить», «забодать... может», то уж человек обладает абсолютной свободой. «Что ж это? Это бунт выходит», – с изумлением повторяет чиновник. Но, бунтуя против тоски и пустоты, он начинает лгать и унижаться, а так нельзя изменить жизнь к лучшему.

Бунт Забежкина обречен на бесславный конец (как и бунт пушкинского Евгения). Ему не только не суждено стать обладателем козы, но приходится лишиться работы, жилья и даже сапог и пальто. «Ну, терпи, терпи. Человеку невозможно, чтобы не терпеть. Терпи, брат Забежкин», – наставляют его. Но терпение человека, лишившегося всех, пусть смешных, надежд и с нетерпением ожидающего возможности поговорить с козой – единственным существом, которое не насмехается над ним, способно духовно возвысить его над другими героями повести, мелкими и пошлыми. Следует помнить, что терпение есть христианская добродетель. В Полном церковнославянском словаре Г. Дьяченко дается такое толкование этого слова: «упование, надежда» [Дьяченко: 715]. Страдания Забежкина, отверженного и осмеянного, обретают особый смысл.

Все герои «Петербургского текста» так или иначе обречены на страдания. Следует ли терпеть их или бунтовать против них? Каждый петербургский чиновник разрешает эту проблему по-своему. Однако нравственного спасения нельзя было бы достичь без жертв, и страдающая и терпеливо сносящая боль личность получает надежду на спасение.

Литература

Волков С. История культуры Санкт-Петербурга. М., 2007.

Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М., 2001.

Зощенко М.М. Коза // Зощенко М.М. Избранные произведения: В 2 т. Л., 1968. Т. 1.

Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 2005.

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985–1988.